

К.С. ДИВИСЕНКО

(АВТО)БИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА

Одной из основных категорий теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса выступает жизненный мир. В статье рассматриваются структура жизненного мира, его конституирование в процессе социального взаимодействия, а также репрезентация жизненного мира в биографическом нарративе. (Авто)биографию можно рассматривать как одну из форм коммуникативного действия, что позволяет обогатить теоретико-методологические позиции биографического метода в социологии. Эти теоретические идеи могут быть рассмотрены как соединение большой теории и микроанализа социального взаимодействия и использованы в качестве методологической основы эмпирических социологических исследований.

Ключевые слова: биографический нарратив, жизненный мир, коммуникативное действие, система, Ю. Хабермас.

Двухтомник «The theory of communicative action» («Теория коммуникативного действия») [17, 18] Юргена Хабермаса все еще не переведен на русский язык¹. Это обуславливает тот факт, что в отечественной социологии теоретические построения Ю. Хабермаса не заняли принадлежащие им по праву позиции. Обычно имя этого социального философа ассоциируется с социально-критическим пафосом, характерным для представителей франкфуртской школы. В настоящей статье мы обратимся не к критике капитализма, современных западных обществ и т. д., а к сугубо теоретическому построению, которое может быть использовано как методологическая основа для эмпирических социологических исследований. Насколько известно автору данной статьи, в отечественной социальной науке оно не получило широкого распространения и практического применения. Идея заключается в следующем: (авто)биографию можно рассматривать как одну из форм коммуникативного действия, что позволяет обогатить теоретико-

Дивисенко Константин Сергеевич — младший научный сотрудник группы социально-культурных изменений и биографического фонда Социологического института РАН. **Адрес:** 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, к. 506. **Телефон:** 8 (812) 316–21–62. **Электронная почта:** divis@inbox.ru

¹ Возможно, в ближайшее время перевод появится, так как в «Социологическом обозрении» на протяжении нескольких последних лет публикуются отдельные главы данной книги [8–11].

методологические позиции биографического метода и качественной парадигмы социологического исследования.

«Теория коммуникативного действия» Ю. Хабермаса связана с анализом становления современных индустриальных обществ; а понятие «жизненный мир» стало одной из основных категорий в разработке теории коммуникативного действия. Ю. Хабермас заимствует понятие «жизненный мир» из работ Э. Гуссерля² и А. Шюца [12, 19], но разрабатывает его не в русле классической феноменологии, а с помощью собственных теоретических построений, основанных на аналитической философии языка, неомарксизме, социальной философии франкфуртской школы. Если Э. Гуссерль в феноменологическом исследовании жизненного мира отталкивается от индивидуального сознания и выходит в дальнейшем на уровень intersубъективности, в область трансцендентального сознания, то Ю. Хабермас переносит акцент с исследования индивидуального сознания на коммуникацию, в процессе которой формируется жизненный мир. Жизненный мир, таким образом, выступает как своего рода фон, окружение для социальной практики, intersубъективный запас знания, аккумулированный в языке.

Согласно Ю. Хабермасу жизненный мир является основным предметом всех гуманитарных наук. «Предметная область социальных наук охватывает все, что попадает под описание “составная часть жизненного мира”» [8, с. 7]. В «Теории коммуникативного действия» Ю. Хабермас сужает понятие «жизненный мир» и рассматривает его как основу для разрабатываемой им концепции коммуникативного действия.

Прежде чем обратиться к биографическому письму как коммуникативному действию и обозначить возможности биографического исследования жизненного мира, мы рассмотрим теоретические предпосылки наших рассуждений. Это некоторые идеи и понятия теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, в частности: общеметодологические проблемы социальных наук, типы социального действия как одного из основных предметов социологии; структура жизненного мира и система, противостоящая ему.

Проблематика понимания смысла: общеметодологические рассуждения

Жизненный мир одновременно выступает как предмет научного интереса и как фактор, влияющий на любое социальное исследование. Вопрос, который мы затронем в интересующем нас контексте, заключается в том, как получить доступ к жизненному миру и описать жизненный мир в категориях науки.

² Понятие «жизненный мир» стало одной из центральных категорий поздней трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля [см. 3].

Ю. Хабермас, рассуждая об эпистемологических проблемах социальных наук, продолжает размышления, традиционные для феноменологов. В социальных науках самым важным оказывается факт, что социальный ученый имеет дело не с той реальностью, с которой работает естествоиспытатель, а с «символически предструктурированными объектами». В этих объектах содержится сконструированное их дотеоретическое знание. «Проблема “понимания” в гуманитарных и социальных науках приобрела методологическое значение прежде всего потому, что ученый не получает доступа к символически предструктурированной реальности посредством одного лишь наблюдения и что понимание смысла не поддается такому же методическому контролю, как наблюдение в эксперименте. Социальный ученый имеет к жизненному миру в принципе такой же доступ, что и социально-научный профан», — отмечает Ю. Хабермас [8, с. 7].

Социальный ученый, таким образом, не может не принадлежать изучаемому им жизненному миру. Относительно этого положения велись и ведутся многочисленные дискуссии: либо ученый учитывает в своем исследовании тот «шум», который он сам в него вносит, либо, как это делают этнометодологи, свою принадлежность исследуемой ситуации он возводит в разряд методологических принципов [1, с. 46–55].

Исследовать предмет можно только через изучение языка данной предметной области; но язык сам по себе не является предметно-нейтральным, он тесно связан с описываемой им предметной областью. Социальная реальность есть мир опыта, выраженного языковыми средствами. Языком ограничено само понимание: где заканчивается язык, там заканчивается и понимание.

Жизненный мир, хорошо это или плохо, привносится в процесс понимания. Чистой объективной позиции по отношению к изучаемой предметной области в принципе быть не может. Исследователь может занимать лишь объективирующую установку, ту позицию, которую занимает наблюдающий за участниками социальных отношений. Перформативная установка — позиция участников коммуникации. Понимание со всей необходимостью требует участия в процессе взаимопонимания. Поэтому между объективирующей установкой и перформативной грань часто исчезает, и социальный ученый совмещает эти две позиции. Ю. Хабермас подчеркивает: «Жизненный мир раскрывается лишь субъекту, который использует свою языковую компетентность и компетентность действовать. Благодаря этому он получает доступ к тому, чтобы участвовать как минимум виртуально в процессах коммуникации членов и таким образом самому стать как минимум потенциальным членом» [8, с. 10].

Для того чтобы понять и объяснить человеческие действия, необходимо создать теоретическую модель сознания действующего человека, которая могла бы объяснить наблюдаемое как результаты его

деятельности. Такой методологический ход сводит все проявления социальных действий к субъективным значениям самих действующих социальных агентов. Смысл действия заключается не в самом действии или его последствиях для других; смысл вкладывается в него самим действующим лицом. Поэтому теоретические понятия должны быть связаны с дотеоретическими понятиями той области социальной жизни, которая становится предметом исследования. Здесь вполне уместно провести параллель между гуманитарными науками и современной физикой: эмпирические данные в физике неотделимы от теории, благодаря которой они становятся возможными; так и в социальных науках теория может быть основана (фундирована) только на эмпирических данных.

Таким образом, социальная наука вынуждена использовать «двойную герменевтику» [16, р. 12–15], подразумевающую интерпретацию теоретических схем и прединтерпретированного мира.

Коммуникативное действие и биографическое письмо

Как отмечено выше, Ю. Хабермас предпринимает исследование жизненного мира в связи с разработкой концепта коммуникативного действия. Он выделяет четыре типа социального действия, которые традиционно были основными предметами социологии: стратегическое, нормативное, драматургическое и коммуникативное. Для методологии биографического исследования жизненного мира наиболее важным оказывается коммуникативное действие, так как именно оно полагает в качестве неперемного условия двух участников коммуникации, которые стремятся достичь взаимно разделяемого понимания. То есть в частном случае коммуникативного действия, в ситуации биографического повествования, автор (адресант) строит свой рассказ так, чтобы быть понятым адресатом, используя intersubjective опыт, типизации, фоновое знание и т. д.

Чтобы определить место коммуникативного действия в классификации Ю. Хабермаса, приведем краткие описания других типов действия. (1) Для стратегического действия (оно также носит названия телеологического, инструментального) главным становится выбор действующим субъектом средств для успешной реализации собственной цели. Критерием успешности данного действия выступает максимальная польза. Стратегическое действие может осуществлять один субъект независимо от другого действующего субъекта, не ориентируясь на нормы социальной общности. Данный тип действия — один из основных предметов исследования экономической теории [11, с. 10–13]. (2) В нормативно-регулируемом действии субъект в своем поведении ориентируется на социум, социально принятые нормы. Такое действие должно соотноситься с обобщенным ожиданием поведения. Если в стратегическом действии присутствует только

субъект, то в нормативно-регулируемом добавляется социальная общность. (3) Драматургическое действие преследует в качестве своей цели управление доступом действующего субъекта к собственной субъективности. Цель, смысл и результат данного действия — представление себя другим не как спонтанное самовыражение, а как формирование собственного образа в глазах других. (4) Наконец, коммуникативное действие направлено на поиск и установление взаимопонимания относительно ситуации, в которой оказались действующие субъекты. Коммуникативное действие реализуется с помощью согласования, координирования действий посредством интерпретации. В пространстве коммуникативного действия должны присутствовать, по меньшей мере, два действующих субъекта. Данный тип действия — один из основных предметов исследования символического интеракционизма, этнометодологии.

Диаметрально противоположным коммуникативному оказывает действие инструментальное (оно также носит названия телеологического, стратегического). Оно направлено на реализацию конкретной задачи, решение которой представляет собой самостоятельную ценность. В реализации инструментального действия актер опирается на прошлый опыт и не ориентируется на средства реализации (цель оправдывает средства). Коммуникативное действие отличается от стратегического тем, что последнее не предполагает установления взаиморазделяемого понимания (в стратегическом действии действующий субъект может стремиться манипулировать другим) [13, р. 23]. Коммуникативное действие основывается на признании и принятии обоснованной в социальном взаимодействии цели и не может быть реализовано независимо от средств осуществления. Инструментальное действие является достоянием системы, а коммуникативное — жизненного мира. К этому вопросу мы еще вернемся.

В первых трех типах действия (стратегическом, нормативном и драматургическом) язык выступает как один из посредников. В коммуникативном действии на него ложится основная нагрузка — язык призван обеспечить в коммуникации полное взаимопонимание. Тем не менее, Ю. Хабермас предостерегает от полного отождествления речи (акта говорения) и самого действия. Языковое измерение коммуникации — основное, но не исчерпывающее, где несгораемым остатком оказываются планы действий и целенаправленная деятельность; следовательно, коммуникативное действие координируется посредством языка, но полностью не совпадает с ним.

В коммуникативном действии наиболее важной становится прагматическая сторона языка — установление говорящими взаимопонимания. Во время речевого акта (устного или письменного), помимо высказывания о чем-либо, имеющем место в мире, происходит установление социальных отношений: сообщающий новую информацию

незнающему претендует на статус обучающего, а слушающему присваивает статус обучаемого.

Жизненный мир выполняет функцию контекста социального действия, так как включает запас всеми разделяемых предустановок и знаний, благодаря которым становится возможным социальное действие, и, напротив, благодаря действиям происходит становление и утверждение жизненного мира. Прагматическое понимание социального действия у Ю. Хабермаса заключается в том, что понятие истины у субъектов действия связано с успешным результатом деятельности. С одной стороны, истина в жизненном мире выступает как непроблематичная данность, с другой — в дискурсивном плане — уточняется в процессе деятельности. Когда действия не достигают успеха, то открывается путь дискурсивному поиску истины: уточняются все или некоторые неявно принятые положения жизненного мира. Действия совершаются на основе наивного представления о мире. Жизненный мир, разделяемый членами коммуникативного сообщества, обеспечивает агентов некоторой непроблематичной уверенностью в реальном положении дел, благодаря которой становится возможной любое действие повседневной жизни [20, p. 505].

Структура жизненного мира. Перед тем как обратиться к структуре жизненного мира в автобиографическом нарративе, рассмотрим общую структуру жизненного мира, который выступает в качестве основы коммуникативного действия.

В каждом коммуникативном действии действующие субъекты ориентируются на три мира:

- объективный мир — вся полнота сущего, суждения о котором могут принимать значение формальной истины либо лжи;
- социальный мир — всеобщность легитимно-регулируемых межличностных отношений, о которых можно говорить, что они «правильны» либо «ошибочны»;
- субъективный мир — всеобщность субъективного опыта, измеряющаяся в диапазоне «искренность – неискренность», к которой действующий субъект имеет привилегированный доступ.

Эти три мира — объективный, социальный, субъективный — Ю. Хабермас также называет внешней природой, обществом, внутренней природой соответственно.

В коммуникативном действии объективный, социальный и субъективный миры посредством языка связываются в одну систему, выступающую в качестве интерпретационной рамки, в пределах которой возможно достижение взаимопонимания. «Слушающий и говорящий используют систему отсылок к трем мирам как интерпретационную рамку, в которой они вырабатывают общее понимание данной ситуации» [18, p. 120].

Каждая ситуация предполагает определенную тематизацию (в феноменологическом смысле) реальности — то есть выявление *релевантных объектов*. Действующий субъект для решения конкретной ситуации определяет *цель*, соотношенную с *темой* данной ситуации, *план* реализации цели с выработкой *нормативной рамки*, которая подчинена нормативным правилам прошлого опыта, и утверждает новые. Также любая ситуация имеет временную и пространственную ограниченность.

Ю. Хабермас предлагает следующее визуальное представление структуры жизненного мира (см. рис.) [18, р. 127].

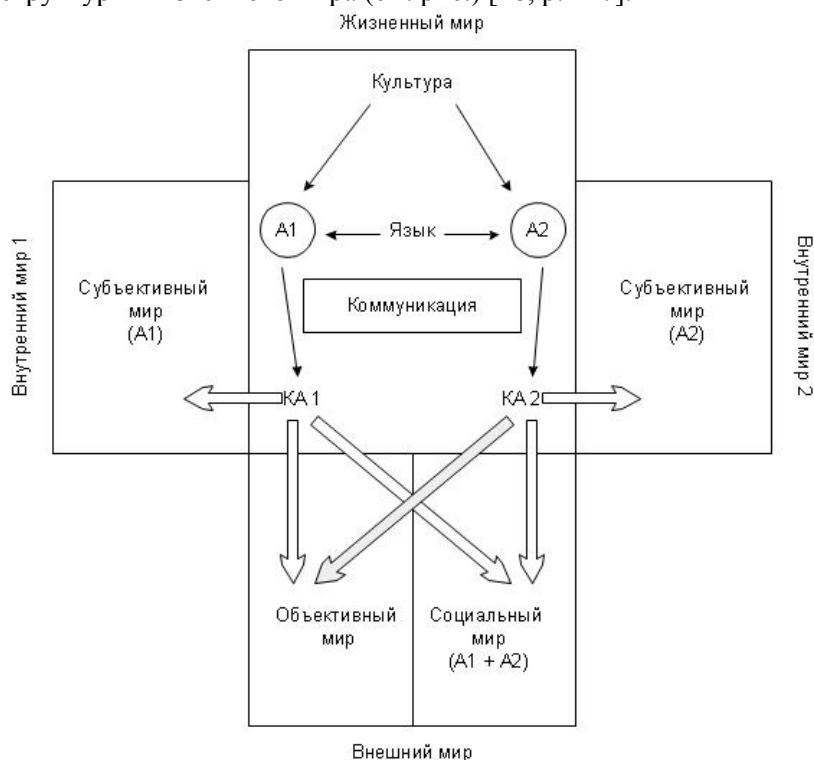

Рис. Структура жизненного мира

В качестве примера проявления жизненного мира в повседневном социальном взаимодействии Ю. Хабермас приводит достаточно запоминающийся случай. Старый рабочий говорит новичку: «Сгоняй-ка за пивом». Данный пример, наверное, характерен не только для субкультуры немецких строителей, а вполне может иметь место с небольшими поправками в отечественном социокультурном контексте. В этой фразе, речевом акте, используется минимум лингвистических средств, которые воспроизводят определенные культурные образцы, устанавливают социальный порядок и обеспечивают не только определенный

стиль, качество и способ времяпрепровождения в ближайшие часы, но и осуществляют вторичную социализацию индивида, формируя его идентичность.

Обратимся к схеме. Как было обозначено выше, жизненный мир выступает фоном, пространством, в котором происходит любое социальное взаимодействие. Это взаимодействие происходит посредством естественного языка как наиболее распространенной и освоенной большинством семиотической системы (другими знаковыми системами в коммуникации могут быть язык жестов (мимика, артикуляция), язык искусства и т. д.). В свою очередь, культура выступает как необходимое условие, благодаря которому становится возможной интеракция (владение общим языком, знание и понимание социокультурной действительности и т. д.).

Каждый действующий субъект — актер (на рисунке обозначен буквой А) пребывает во множественной реальности: в трех мирах (объективном, социальном, субъективном). К собственному внутреннему миру у действующего субъекта имеется привилегированный доступ: никто, кроме него, не может непосредственно проникнуть в этот мир. О внутреннем мире другого можно судить только опосредованно: либо сам действующий субъект открывает его в своих поступках, словах, внешних проявлениях, либо по какой-то причине не может скрыть эманацию субъективного мира от глаз другого участника взаимодействия. Внутренний мир подспудно присутствует во взаимодействии действующих субъектов.

В каждом коммуникативном акте (на рисунке — КА) устанавливается соотнесенность внутреннего мира с миром внешним, имеющим два измерения: объективное и социальное. В результате коммуникации устанавливается общий социальный мир. Жизненный мир — область, где встречаются говорящий и слушающий. Здесь они претендуют на то, чтобы их высказывания соответствовали бы миру (объективному, социальному, субъективному) и чтобы они могли уладить свои разногласия и достигнуть соглашения [18, р. 126]. Установление консенсуса в коммуникативном действии — результат успешного взаимодействия. Коммуникативное действие терпит фиаско в двух случаях: когда действующие субъекты не могут понять взаимных ожиданий (жизненные миры каждого актора слишком отличаются друг от друга) либо когда будет достигнуто взаимопонимание, но не представится возможность разрешения ситуации.

Коммуникативное действие обеспечивает достижение взаимопонимания посредством передачи и обновления культурного знания, устанавливает социальную интеграцию и оказывает влияние на формирование идентичности. Культурное воспроизводство, социальная интеграция и социализация — структурные компоненты жизненного мира, которые одновременно сформированы и оказывают влияние на культуру, общество и личность.

Каждое действие в конкретной ситуации представляет собой двусторонний процесс, своего рода цикл, в котором действующий субъект является одновременно и инициатором ситуации, и продуктом традиции той социальной среды, которой он принадлежит. Общество и индивидуальность, таким образом, являются не только ограничениями, но и ресурсами. Проблематизированный фрагмент жизненного мира в каждой актуальной ситуации служит не только вызовом, но и реакцией на ситуацию. Говоря образно, лицом действующий субъект встречается с жизненным миром как субъективно новой ситуацией, а в затылок ему дышит жизненный мир как аккумулированный опыт трех миров: объективного, социального и субъективного [18, p. 135]. Жизненный мир всегда находится «под рукой», он формируется как осадок прошлого опыта, и наоборот, каждый новый опыт возможен только с учетом и в рамках тех форм опыта, которые уже присутствовали на жизненном пути. Жизненный мир находится в постоянном становлении — каждая новая ситуация актуализирует имеющийся запас знания, переструктурирует его и, возможно, обогащает, т. е. прецедент новой ситуации становится правилом для последующего решения подобных ситуаций; этот процесс, в терминологии Ю. Хабермаса, называется иммунизацией.

В большинстве случаев повседневной практики жизненный мир не дает о себе знать и изменяется незаметно для действующего субъекта. «Жизненный мир не предстает перед нашими глазами как теория, а напротив, мы находим себя в нем дотеоретически» [6].

Жизненный мир используется как фоновое знание, которое, будучи тематизированным, остается не замечаемым — «подручной темой», так как действующий субъект нацелен не на сам жизненный мир, а на ситуацию. Жизненный мир во всей своей несокрытости становится заметным, когда появляется определенный люфт в регулярно практикуемом допущении (хабитуализированном умении, привычном социальном отношении и т. д.).

Горизонт жизненного мира ограничен областью человеческого бытия, находящегося в нормальных условиях. Как при обычном зрительном восприятии мира мы не видим все сразу, даже не можем схватить все, что попадает в поле нашего зрения, нам открывается всегда только аспект, фрагмент окружающего мира, — так же и область очевидной данности жизненного мира присутствует всегда в полном объеме, но актуализируется в конкретный момент только определенная ее часть.

Понимание жизненного мира Ю. Хабермасом отличается от феноменологического понимания тем, что жизненный мир активно воздействует на межсубъектную коммуникацию, в то время как у А. Шюца и Т. Лукмана он представляет собой достояние отдельного индивида. «...В центре горизонта жизненного мира уже не находится, как у Гуссерля, жизнь сознания одного трансцендентального Эго, а

коммуникативная связь между, как минимум, двумя участниками, alter и ego. Для обоих участников коммуникации жизненный мир раскрывается как сопровождающий горизонт, внутри которого актуальная встреча локализована в только перформативно присутствующих измерениях испытанного социального пространства и исторически пережитого времени» [6].

Жизненный мир — неформализованные и незамечаемые области социальной жизни. Он представляет собой корпус общих значений, области социального взаимодействия людей.

Жизненный мир и система. В социальной теории Ю. Хабермаса жизненный мир противопоставлен системе. С одной стороны, как было показано выше, жизненный мир выступает в роли фона для любого социального взаимодействия. С другой, — пространство человеческого социального обитания не ограничено только жизненным миром как неформализованными и незамечаемыми областями жизни. Над жизненным миром появляется своеобразная «надстройка», которую Ю. Хабермас называет системой, к субъективному восприятию которой также открывает доступ биографический нарратив.

Институциональное устройство современного общества, достигшего высокого уровня системной дифференциации, оказывается основанным на принципиально иных посредниках (в традиционном обществе доминируют отношения жизненного мира). В качестве этих посредников выступают экономическая и административная системы, которые в современных обществах достигают практически полной автономии от норм и ценностей [18, p. 154].

Жизненный мир — основа для личностной и социальной жизни. Система в качестве основного условия для своего существования полагает необходимость укоренения в жизненном мире: она «бросает якорь» в жизненном мире. «Согласно Хабермасу, жизненный мир сам себя устанавливает и сам себя воспроизводит, тогда как система не обладает такими свойствами. Система может оперировать только теми ресурсами и значениями, которые заимствованы из жизненного мира» [15, p. 56].

Система — царство инструментального действия; коммуникативное действие внутри системы отсутствует. Каждый работник бизнеса или государственного аппарата, включаясь в его функционирование, получает в качестве собственной цели цель самой системы, например, достижение прибыли или реализацию закона и т. д. Такая деятельность внутри системы не является лично значимой, но принимается как обязательная, и ее осуществляют автоматически. Из-за этого утрачивается мотивация деятельности и личная заинтересованность в ней. Проблема заключается в том, что человек перестает осознавать, что те цели, которые он преследует, суть не его цели, а цели системы. Хорошей иллюстрацией данному явлению, помимо примеров из мировой литературы (например, *Инстанция у*

Ф. Кафки), может служить современный большой спорт и популярное искусство. Если бы спортивные болельщики или фанаты поп-звезд в полной мере осознавали особенности той системы, в которой они добровольно играют далеко не последнюю роль (а именно то, что конечная цель большого спорта и поп-индустрии — обогащение), то их энтузиазм, вероятнее всего, был бы значительно меньше, так как незаинтересованное, в кантовском смысле, удовольствие от игры или, да будет нам позволено сказать, *эстетическое* переживание от попры не оправдывают тех денег, которые вращаются в этой индустрии. Можно добавить, что восприятие поп-культуры как подлинного искусства в принципе неверно. Популярная культура изначально создана для реализации определенных целей: либо для идеологической пропаганды (советская эстрада), либо для обогащения (любая попса). Не осознавать этого — значит, принимать постоянные дворы за рыцарские замки. Системные институты скрывают от своих агентов собственные конечные цели и не дают осознать последующие результаты.

В современных обществах люди начинают жить в системе как в жизненном мире: с развитием системных отношений социальные отношения умяляются и система принимает на себя функцию интеграции.

Колонизация жизненного мира — процесс, посредством которого общество как система вторгается в его пространство. В результате происходит либо распад, либо трансформация традиционных институтов — института семьи, брака, других исконных областей жизненного мира. Последний подобен природной среде: обеспечивает жизнедеятельность человека и в дальнейшем подвергается разрушению от этой жизнедеятельности, причем это разрушение начинает грозить самому человеку, выливаясь в формы социальной патологии.

Какими бы сложными и запутанными ни были взаимодействия в пространстве жизненного мира, их цели так или иначе выработаны самими участниками коммуникации, а не навязаны извне. Например, при дружбе возможно большое разнообразие взаимоотношений, тогда как отношения с начальством (если они исключают дружеские) ограничены тем, что зафиксировано в трудовом договоре.

Жизненный мир и система предполагают совершенно разные способы их освоения. Жизненный мир представляет собой лингвистически организованный запас (фонд) интерпретативных образцов, передаваемых посредством культуры [18, р. 124]. Поэтому социализация в жизненном мире — принятие, освоение intersubъективно выработанных норм, ценностей, идеалов. Вхождение в мир системы — освоение навыков инструментальной коммуникации для решения собственных целей без учета целей других. На этом же основании будет различаться и характер обществ, базируемых на отношениях либо жизненного мира, либо системы. Жизненный мир создает социально-интегрированные общества — общества, которые организованы на

основах коммуникативной компетенции. Система порождает системно-интегрированные общества, в которых взаимодействие людей происходит без обращения к коммуникации, через символически управляющие посредники: деньгах и власти.

В системе понятны значения действий, но не его конечный результат. В коммуникации жизненного мира, напротив, цели открыты для самих людей. Когда утрачивается коммуникативная рациональность, люди начинают руководствоваться не собственными целями и интересами, а целями и интересами системы. Происходит *колонизация жизненного мира*.

Можно выделить несколько таких патологий — следствий колонизации жизненного мира: аномия (уменьшение разделяемого всеми смысла и взаимопонимания); дезинтеграция (разрушение социальных границ); отчуждение (возрастающее ощущение беспомощности и нехватки чувства сопричастности); деморализация (последовательная неготовность принять ответственность за собственные поступки и социальные явления); социальная неустойчивость (дестабилизация и разрушение социального порядка) [15, p. 57].

Колонизация жизненного мира может быть рассмотрена как нежелательное следствие возрастающего усложнения общества. Система отнюдь не бесполезна и не вредна сама по себе. Ее основная функция — репродукция материальной стороны общества посредством экономической и политической деятельности. Более того, современные развитые общества не смогут сохранять свой актуальный статус, если не будут поддерживать систему. Оптимальное отношение между жизненным миром и системой — гармония. Такой баланс устанавливается, когда система не вторгается в повседневную жизнь людей (как излишнее регулирование приватной или публичной активности со стороны государства или экономики, во многом определяющей любую активность) и также когда в законном пространстве системы не устанавливаются отношения жизненного мира (генеральный секретарь перестает быть администратором, а становится «отцом народов»).

Социально-критический пафос работ Ю. Хабермаса направлен на диагностику социальной патологии современного общества, которая заключается в колонизации, порабощении жизненного мира системой. Система формируется в укладе жизненного мира, в дальнейшем сосуществует с ним, и на конечном этапе своего развития начинает господствовать над ним. Если для остальных франкфуртцев безразличие к другим — темная сторона кантовской моральной автономии, то для Ю. Хабермаса — эффект не сугубо морального характера, а следствие того, что жизненный мир порабощается системой [15, p. 60–61].

Как отмечалось, один из возможных способов получения доступа к субъективному восприятию социальной реальности как тандему жизненного мира и системы предлагает биографическое исследование.

Биографическое письмо как коммуникативное действие. Коммуникативная ситуация — не только сфера непосредственного взаимоотношения действующих субъектов в конкретно локализованном месте и времени, но ситуация, в которой субъект повествует другому или другим о событиях своей жизни в контексте собственного жизненного мира. Биография, как справедливо замечает С. Б. Кожевников, выступает в качестве визитной карточки жизненного мира [5, с. 18–19]. Поэтому процесс (авто)биографического письма может быть рассмотрен как коммуникация и жизненный мир может стать предметом биографического исследования [4].

Ю. Хабермас в своей работе «Теория коммуникативного действия» намечает одну из многообещающих возможностей исследования жизненного мира посредством анализа нарратива. «Повествование — особая форма предписанной речи, которая служит описанию социокультурных событий и объектов» [18, р. 136].

Дело в том, что грамматика рассказа позволяет нам увидеть, как мы идентифицируем, описываем определенное положение дел, события, появляющиеся в жизненном мире. Как мы эти события выстраиваем в последовательности, определяя причинно-следственные связи, и в итоге получаем сложные построения, разворачивающиеся в социальном пространстве и историческом времени. Таким образом, биографический нарратив в процессе повествования вырезает из объективного мира область событий и фактов, которые укладываются в логику данного повествования.

Снова обратимся к схеме, иллюстрирующей структуру жизненного мира, и рассмотрим как один из возможных вариантов коммуникации, в котором раскрывается жизненный мир, автобиографическое письмо³.

Первое звено коммуникации — нарративизация адресантом собственной жизни в контексте его жизненного мира. Напомним, что коммуникация, производимая действующим субъектом, связывает три мира — объективный, социальный и индивидуальный. Ее основными элементами, играющими ключевую роль, являются тема, цель, план, нормативная рамка, временная и пространственная ограниченность.

Итак, *действующим субъектом* в биографическом письме выступает нарратор, который на стыке трех миров повествует о собственной жизни. Его рассказ ориентирован на взаимодействие объективного мира

³ Здесь мы не касаемся собственно биографического повествования, когда описывается не собственная жизнь, а жизнь другого человека. Хотя биографическое письмо может быть рассмотрено с помощью данной схемы коммуникации, эта задача будет усложнена введением еще одного действующего субъекта — биографа, тем самым будут взаимодействовать, как минимум, три субъекта — герой рассказа (персонаж), биограф (автор) и читатель (адресат).

фактов; социального мира конвенциональной «правильности» и «неправильности» и индивидуального мира, к которому только он имеет доступ.

Следующие элементы коммуникации предельно связаны один с другим, обусловлены и обуславливают друг друга. В момент письма или рассказа о жизни *тематизируется* определенная область жизненного мира, релевантная здесь-и-сейчас ситуации рассказа. *Цель и план* повествования определяются ситуацией, зависят от жанра повествования (автобиография, воспоминания, семейная хроника и др.), способа коммуникации (устного или письменного).

В *нормативной рамке* можно выделить два измерения. В биографическом повествовании происходит соотнесение с содержательной нормой социокультурного опыта и с формальной нормой жанра биографического повествования. Например, адресант в своем повествовании позиционирует себя как одного из многих людей (таких, как все, ничем не примечательного и проч.) либо как положительного или отрицательного девианта, сноба (не такого, как все). Этим самым нарратор так или иначе встраивает собственную жизнь в рамки исторической социальной ситуации.

В формальном плане нормативная рамка стандартизирует опыт, понимание, сам поток жизни в социально приемлемые формы рассказа, ограничивает содержание формой. В этом плане жанр биографического повествования может оказывать решающее влияние на содержание жизни. Рассказ о жизни в приватном разговоре или описание собственной жизни для потомков одного и того же человека могут сильно отличаться друг от друга. Это обстоятельство обусловлено не тем, что нарратор хочет ввести в заблуждение своего слушателя или что он адресует свою речь разным людям и с разными целями. При прочих равных условиях сама нормативность устного повествования не соответствует нормативности письменного (здесь будет играть решающую роль владение навыками устного рассказа или умение излагать свои мысли письменно).

Временная и пространственная ограниченность автобиографического повествования заключается в его локализации в определенном времени и пространстве. Временная ограниченность имеет два плана: интервал исторического времени, охваченный рассказом; либо время самого рассказа (биографическое интервью, ограниченное тремя часами, или дневник, который ведется до последнего дня автора). Пространство может быть рассмотрено двояко: как социальное пространство повествования либо как пространство самого повествования, ориентированного на определенный масштаб аудитории (автобиография в отдел кадров или записи в электронном дневнике, блоге).

Наконец, автобиографическое повествование как коммуникация зависит от адресата. Потенциальным адресатом может выступать сам

адресант либо аудитория различного масштаба. Самоописание жизни одного и того же человека, при прочих равных условиях, может различаться в зависимости от конкретного адресата. Если повествование будет предназначаться для молодого человека, то жизнеописание может быть представлено нарратором как своего рода моралите с просветительски-назидательным пафосом, для другого человека — как история успеха, а для третьего — как «история бедствий».

Практика рассказывания служит не только обеспечению потребности взаимопонимания в процессе коммуникации, но и самопониманию людей. Если человек излагает свою жизнь на страницах дневника, то в конечном плане он ориентируется на себя в будущем как адресата этого текста. Самопонимание как исследовательская практика может быть осуществлено с помощью автоэтнографии посредством изучения собственного жизненного мира в диахроническом плане (изменение во времени) и в синхроническом (в соотнесенности с другими жизненными мирами) [2, с. 187–197].

В итоге нарратив содержит в себе жизненное пространство трех миров, обусловленное комплексом элементов конкретной ситуации биографической коммуникации.

Второе звено коммуникации — чтение или слушание адресатом текста или нарратива о жизни адресанта. Данную подсистему коммуникативного действия следует рассмотреть отдельно. Она связана с проблематикой понимания, традиционной областью герменевтики. В момент чтения биографического текста читающий вступает в виртуальный диалог с автором, занимая перформативную установку: он — участник данного диалога, коммуникации. Интерпретатор пытается понять: почему это положение дел автор воспринимает как само собой разумеющееся, почему и как оказываются значимыми определенные ценности и нормы и т. д. И напротив: «Интерпретаторы понимают значение текста лишь в той мере, в какой им удается постичь, почему автор чувствовал себя вправе высказывать (в качестве истинных) определенные утверждения, признавать (в качестве правильных) определенные ценности и нормы, выражать (в качестве правдивых) определенные переживания либо приписывать их другим» [7, с. 49–50].

Адресатом автобиографического повествования может быть как незаинтересованный слушатель или читатель, так и социальный исследователь. Первый неосознанно занимается герменевтической интерпретацией, а второй призван не только понимать непосредственное содержание и ситуацию рассказа, но и рационализировать данную коммуникацию, проблематизируя то, что обычно полагается само собой разумеющимся.

Рационализация жизненного мира как процесс критического рассмотрения и оправдания повседневных убеждений и навыков, которые люди обычно считают само собой разумеющимися, может быть

осуществлена посредством автобиографического письма. Эти очевидные убеждения и навыки суть часть жизненного мира наряду с другими практическими компетенциями, которые позволяют действовать в социальном мире. Написание автобиографии, рассказ о собственной жизни вызывают некоторое отчуждение от рутины, изо дня в день переходящих событий, так как процесс рационализации предполагает вопрошание в адрес тех областей, которые кажутся очевидной данностью.

Резюме. Концепция жизненного мира Ю. Хабермаса имеет большой эвристический потенциал для анализа социальной реальности. Г. Фэртло придает ей большое значение. Идея жизненного мира, по его мнению, помогает объяснить, каким образом социальные группы в процессе взаимодействия наделяют смыслом объективный мир фактов; как формируются понятия «правильного» и «неправильного» в социальном мире; каким образом люди представляют другим свой собственный внутренний мир. Эта концепция раскрывает взаимосвязь трех миров, процессы достижения социальными группами общего понимания и решения ситуации [14, p. 556–557].

Концепция жизненного мира и теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса позволяют по-новому взглянуть на биографическое письмо и интерпретацию биографического текста в социологическом исследовании, рассматривая их как диалогическое взаимодействие автора и читателя (исследователя), каждый из которых пребывает в собственном жизненном мире. В биографическом нарративе конституируется жизненный мир в двух планах. На уровне содержания он предстает как описание традиционных областей и институтов жизненного мира — семьи, домашнего хозяйства, добровольческих организаций и т. п. На уровне лингвистическом (нарративном) жизненный мир проявляется в разных планах — от архитектоники рассказа в целом до отдельных риторических тропов, используемых в нем. Текст биографии больше того смысла, который в него вкладывает автор.

Биографическое исследование жизненного мира социального агента различного масштаба (от личности до большой социальной группы) — одно из возможных плодотворных соединений большой теории и микроанализа социального взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
2. *Готлиб А.С.* Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004.
3. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.

4. *Дивисенко К.С.* Биографическое исследование жизненного мира // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 5. С. 41–45.
5. *Кожевников С.Б.* Социум в структурах жизненного мира: методологический инструментарий исследования // Социологический журнал. 2008. № 2. С. 5–30.
6. *Хабермас Ю.* Лекция о жизненном мире [online]. Дата обращения к документу: 20.12.2010. URL: <http://www.russia.ru/video/nauka_habermas>.
7. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001.
8. *Хабермас Ю.* Проблематика понимания смысла в социальных науках // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 3. С. 3–33.
9. *Хабермас Ю.* Расколдовывание религиозно-метафизических картин мира и возникновение современных структур сознания // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 1. С. 27–52.
10. *Хабермас Ю.* Теория рационализации Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 37–60.
11. *Хабермас Ю.* Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 3–24.
12. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
13. *Edgar A.* Habermas: The key concepts. London: Routledge, 2006.
14. *Fairlough G.H.* Habermas' concept of "lifeworld" // System Practice. 1991. Vol. 4. No. 6. P. 547–563.
15. *Finlayson J.G.* Habermas. A very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2005.
16. *Giddens A.* New rules of sociological method: A positive critique of interpretative sociologies. Stanford: Stanford University Press, 1993.
17. *Habermas J.* The theory of communicative action: Reason and the rationalization of society: Vol. 1. Boston: Beacon Press, 1984.
18. *Habermas J.* The theory of communicative action. Lifeworld and system: A critique of functionalist reason: Vol. 2. Boston: Beacon Press, 1985.
19. *Schutz A., Luckmann T.* The structures of the lifeworld: Vol. 1. Evanston: Northwestern University Press, 1973.
20. *Seemann A.* Lifeworld, discourse, and realism: On Jürgen Habermas's theory of truth // Philosophy & Social Criticism. 2004. Vol. 30. No. 4. P. 503–514.